

Глава 114. Перед экзаменами

Комиссия, принимающая СОВы, прибыла в Хогвартс. Встречал их, как и положено, директор школы, то есть, в данном случае — Северус Снейп.

— Приветствую вас, — взмахнув мантией, как тореадор — мулеттой, Снейп поклонился пожилым волшебникам. — Легка ли была ваша дорога?

— Прекрасно, прекрасно добрались, — нетерпеливо отозвалась крошечная старая ведьма, с морщинистым лицом. По воспоминаниям некоторых участников Рассвета, я опознал Гризельду Марчбэнкс, председательницу Волшебной экзаменационной комиссии. — Как-то странно, что встречает нас не Дамблдор... Давненько такого не случилось.

— С тех самых пор, как он стал директором, полагаю? — уточнил Снейп.

— Именно так, милейший. Именно так, — мадам Марчбэнкс оглянулась, как будто ожидая, что Дамблдор шагнет ей навстречу... хотя бы из чулана для метел. — Как-то странно все это... Ну, да ладно. Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!

— Согласен, — вздохнул Снейп. — Смерть моего предшественника на этом посту была несколько... неожиданной. Впрочем, при работе с темными артефактами такой силы подобное... не то, чтобы «случается», скорее — «практически неизбежно».

Гриффиндорцы, высыпавшие из школы, насторожились. «Сейчас будет Великого Человека порочить!» — этого никто не произнес, но слова витали в воздухе.

— Темными артефактами? — заинтересовалась Гризельда. — Это какими?

Говорили волшебники довольно-таки громко, мер, чтобы исключить нежелательное внимание — не предприняли, так что их диалогом наслаждались все присутствующие.

— Дамблдор сумел раздобыть легендарный Воскрешающий камень, — без тени смущения объявил Снейп. — Но, увы, подобные вещи редко валяются просто так. Воскрешающий камень был инкрустирован в кольцо, защищенное проклятьем, справиться с которым директор так и не смог. Ему не хватило всего нескольких сотен метров: Люпин был уже на территории Хогвартса, когда проклятье взяло верх. Страдая от ужасной боли, Дамблдор попросил Люпина добить его... Боюсь, его ясный разум был основательно затенен болью. Иначе Дамблдор понял бы, что этот приказ убивает не только его, но и его давнишнего соратника. Ученики его друзей, пребывавшие на территории школы, решили, что «темная тварь предала и убила Великого мага», и, в свою очередь, убили Ремуса Люпина, когда тот переживал содеянное и был неспособен защищаться.

Ученики Светлого круга, стоявшие в стороне, дружно скривились.

— Откуда Вы взяли, что все случилось именно так? — выкрикнул один из них, старательно укрываясь за спинами остальных.

— Есть такая штука... — от усмешки Снейпа, наверное, скисло все молоко в самых отдаленных домах Хогсмита, — ...хроноворот называется. Аврорат прибыл достаточно быстро. Так что авроры под мантиями-невидимками смогли просмотреть все, что случилось. Вмешаться и изменить известные им события они уже не могли, но вот узнать КАК случилось то, что случилось — могли и узнали.

— Как, должно быть, грустно: смотреть на то, как погибает хороший человек, и не иметь возможности ничего сделать, чтобы это предотвратить... — вздохнула Джинни.

Я набросил чары приватности, и ответил:

— Насчет «хорошего» — я бы поспорил. О мертвых, как известно, «не злословь», но тебе стоит иметь в виду: хороший преподаватель — не обязательно является хорошим человеком, равно как и наоборот.

На вопросительный взгляд Джинни я пообещал показать ей свое воспоминание. Так что, когда комиссия торжественно удалилась по выделенным для них покоем, а администрация школы донесла до обучаемых основные сведения о предстоящем кошмаре... то есть — экзаменах на квалификацию «Супер-Отменное Волшебство», мы удалились в нашу комнату, и, оттуда, отправились в видение палат Анны Гриффиндор. Я перебросил Джинни кристалл с относительно недавним воспоминанием.

* * *

После эпизода с «увиденным во сне» нападением Темного лорда на Артура Уизли в частности и Отдел Тайн вообще, директор Дамблдор, тогда еще вполне себе живой и здравствующий, внезапно озабочился защитой сознания «невинного ребенка» от тлетворного влияния некоторых темных личностей, и потребовал от профессора Снейпа проводить со мной «дополнительные занятия по зельям»... то есть — по окклюменции.

Разумеется, занятия окклюменцией — это поединок воли в бурлящем водовороте эмоции, в котором решает не сила, а опыт и тонкость. И в этом у меня было маленькое такое преимущество. К тому же, я точно знал, что хочу найти, а профессор скрывал эту сцену от меня отнюдь не так усиленно, как от Гарри. Мне было понятно каноническое «перекладывание воспоминаний из головы в Омут памяти»: Снейп хотел ненавязчиво засветить обучаемому, что как минимум его отец — отнюдь не был «хорошим человеком, которого все любили». Усомнившись в этой позиции, сын Лили мог бы начать сомневаться и в остальных навязываемых ему Дамблдором утверждениях... Затея героическая, но, увы, обреченная на провал. У Дамблдора опыта в подобных манипуляциях всяко было больше. Так что эффект от демарша Снейпа пешки директора: Люпин и недоБлэк успешно нейтрализовали. А почему через Омут... С одной стороны, представить себе, чтобы Гарри даже случайно прорвался через оборонительные порядки, не раз проходившие испытание Темным лордом, у Снейпа фантазии не хватило. А с другой — Омут великолепно показывает, что было, но совершенно отсекает эмоциональную составляющую картинки. И профессор зелий не хотел, чтобы сын Лили ощутил на себе то жуткое чувство, охватившее висящего вверх ногами Снейпа: уверенность в том, что Лили предала его, выдав заклинание его собственной разработки, которое он не показывал никому другому — мародерам. Профессор ухитрялся даже в мыслях произносить это слово так, что маленькая буква была очевидна. Передо мной у Снейпа подобного пиетета не было, так что мне он показал все, как оно было.

Разумеется, в кристалл попала уже отредактированная (то есть — очищенная от лишнего эмоционального фона) версия событий. Как я и ожидал, Джинни и Луне и так хватило.

Просмотрев эту неприятную сцену, добрый мальчик Гарри Поттер кинулся к единственному доступному участнику этой сцены: Хедвиг отправилась с запиской к Ремусу Люпину с предложением встретиться в Трех метлах в ближайшую субботу.

Проклятый оборотень ожидал меня, выбрав позицию тактически — совершенно неграмотно.

Высматривая меня в большом окне, он совершенно выпустил из виду не только собственно, вход в кафе, но и половину зала. Конечно, оборотень, пусть и проклятый, обладает улучшенными чувствами на уровне, достаточном, чтобы в первом из посещенных мной миров за пределами родного, его назвали «Умником», причем не ниже, чем среднего ранга, и присвоили рейтинг 4-5, не ниже. Вот только в пропахшем напитками и ароматной едой помещении, где толпилась, к тому же, куча подростков, некоторые из которых уже успели «доказать свою взрослость», тайком покулив... В общем, полагаться на обоняние я бы не рискнул. А если, к тому же, обратиться за помощью к моему тотему, которая известна именно тем, что является засадной охотницей, и одной из претендентов на титул «Подкрадывающейся незаметно»... В общем, Ремус Люпин чуть было не подпрыгнул до потолка, когда я плюхнулся рядом с ним.

— Гарри? — спросил Люпин скорее «в пространство», чем обращаясь ко мне.

— Угу, — ответил я. Интересно, кого еще он ожидал тут увидеть? Архиепископа Кентерберийского?

— Напугал, — признался оборотень. — Что заставило тебя просить о встрече, да еще столь срочно?

Я изложил сцену, подсмотренную в памяти Снейпа. Люпин поморщился. Только вот восприятие эмпата позволило понять: недоволен оборотень не тем, как они себя вели, а тем, что попались... И еще — Снейпом, посмевающим эту сцену продемонстрировать.

— Я бы не стал строго судить твоего отца за то, что ты видел, Гарри. Ему же было всего пятнадцать...

— Мне тоже пятнадцать! — воспроизвел я канонический ответ.

— Послушай, Гарри, Джеймс со Снейпом возненавидели друг друга при первой же встрече — такое бывает, ты ведь можешь это понять! Я думаю, у Джеймса было все, чего так хотелось Снейпу: его любили товарищи, он прекрасно играл в квиддич — да ему вообще удавалось почти все! А Снейп был типичный замухрышка, странный малый, который с головой ушел в изучение Темных искусств, тогда как Джеймс — что бы ты о нем теперь ни думал, Гарри, — всегда терпеть не мог Темные искусства, — меня даже немного удивило, что Люпин дословно воспроизвел фразу, сказанную в неслучившемся настоящем Сириусом Блэком. Интересно, это им шаблон забили, на случай всплытия этой сцены? Один на всех? Добрый Дедушка постарался, который обитает за пределами Сада?

Но тут я намеревался ответить не так, как отвечал другой мальчишка, уже покинувший этот мир. Скуку Блэка мне обсуждать было незачем: тут и так все понятно. Любопытно было, как Люпин начнет выкручиваться, если выдать ему...

— Значит, Дадли Дурсль, любимец родителей, имевший все, чего так хотел, но не мог получить «типичный замухрышка, странный малый, занимавшийся непонятно чем», имел и право гонять и избивать своего кузен, доведя до того, что пришлось обращаться за помощью к демонам, к искусству, которое даже среди темных считается темным? И вообще... издевательства двух признанных «любимцев школы», со свитой из прихлебателей, над «типичным замухрышкой», и увлечение этого самого замухрышки Темными Искусствами... Что здесь причина, а что — следствие?

— Ты же о Ньюниусе говоришь, — выдохнул потрясенный Люпин. — О Ньюниусе!!!

— И что? — пожал плечами я. — Знаешь... я тут провел один ритуал, позволивший мне узнать чуть побольше о том, как погибли Джеймс и Лили... — да-да, сложный и опасный ритуал. «Разговор с Темным лордом», называется. — И теперь, после всего, что я узнал, мне жаль, что из-за отвратительных интриг и подлого оговора... — и не стоит думать, что Том не выяснил: кто именно подбил Мальсибера и Эйвери «подшутить» над Макдональд? Еще и пари заключали! Том у нас любопытный... ему все интересно. По крайней мере — когда в деле замешан его собственный Внутренний круг. — ...я не ношу фамилию «Снейп». Может, результат и был бы тот же... Но уж Снейп точно не отдал бы вещь, способную добавить любимой хотя бы тень шанса на выживание. И не вышел бы встречать врага с пустыми руками, как Джеймс. Тот только и смог, что прокричать «беги Лили!» Еще бы хлеб с солью вынес, олень-долбоящер, мутант нежизнеспособный по определению...

Люпин сидел за столиком, оглушенный разверзшимся Апокалипсисом.

Я поклонился, отправляя Силь, неведомо как очутившуюся в моей руке, обратно в ее чехол на ножнах Кайгерн.

— Засим честь имею. Полагаю разговор — оконченным.

<http://tl.rulate.ru/book/69520/1850798>